

Где синие
Студеные озёра,
Лютый холод,
Сопки в серебре,
Где зверя разного
Не счесть следов
узоры,
Где голод, холод...
В январе
Родился мальчик!

В. Коянто. "Последний выстрел".

Завтра исполнилось бы 85 лет моему отцу.

Мы бы собрались за накрытым столом как всегда по праздникам, и мама бы всё передавала таскать из кухни блюда, а мы как всегда кричали бы: "Ну всё, уже некуда ставить!". Потом, выпив вина, поевши, погалдевши, мы бы стали петь песни, потому что отец сказал бы: "Давайте попоём!". Он очень любил, когда вся семья собиралась вместе: бегают, кричат ребятишки, им всем в дальнем кабинете обязательно надо печатать на его машинке – интересно же, трогать и играть во всякие предметики, сувенирчики, которыми были начинены все книжные полки и письменный стол. Прихожу я, ругаюсь на них чего-нибудь. И такая кутерьма – шумная и веселая – всегда была по сердцу моим родителям. Пели мы всегда с удовольствием, все до единого, хором, а отец – так с артистическим размахом руками, где потише, где потянет. Да, очень любил петь, и вообще был, конечно, в душе артистом.

В былые времена (старожилы-то помнят), когда в Доме культуры проходили концерты, он почти всегда был ведущим. И такого ведущего как он – пока больше нет до сих пор. Веселый, громкий, шумный, энергичный – он заполнял собой всю сцену и заражал нас, зрителей, какой-то радостью, интересом, восторгом. Он всегда читал со сцены свои стихи, и тоже – ТАК читал только он.

Он всегда вёл в библиотеке литературные вечера, которые организовывала мама, Фаина Николаевна, как кра-

Твои люди,
округ!

КОЯНТО, ТЫ БУДЕШЬ ВСЕГДА!

евед, и он всегда делал это мастерски, всегда находил, о чём и как говорить, и умело вовлекал в беседу участников. Я помню один из вечеров, посвящённый какой-то годовщине округа, когда отец уже был болен, и на вечере быть не мог. Мама сама начала вести мероприятие. "Добрый вечер, дорогие друзья, - сказала она. - Сегодня мы отмечаем дату нашего дорогого округа...". Тут она замолчала, внезапно закрыла лицо руками и прямо перед всеми расплакалась. Но, слава Богу, быстро взяла себя в руки и продолжила вечер. И все отнесли это на счёт сентиментальности, эмоциональной природы и любви к Корякскому округу. Потом она мне говорила: "Да, и об округе я расплакалась что-то, но вдруг меня пронзила мысль, что нет здесь Володьки, ведь это он сейчас должен говорить, шуметь,

размахивать руками, читать стихи и петь песни. И я почувствовала, как без него пусто и сиротливо на вечере, как будто что-то вдруг потерялось!".

Уже много рассказано о моём отце – его биография, о его творческом пути, о его произведениях, о его человеческих качествах, и я не буду сегодня затрагивать эти аспекты его жизни. Хотя, зная его творчество и его жизненные вехи – особенно молодёжи – нужно, ведь он – признанный классик корякской литературы наряду с Кецаем, Баранниковым и Жуковым и многими современными литераторами нашего округа. Все они составляют гордость и славу Корякии, их имена вошли в её историю. А историю родного края нужно знать!

И чтобы напомнить, каким был Коянто, – его язык, стиль, мысли, – я хочу привести одну

главу из его книги "Тумми", посвящённую другу, артисту И. Жукову. В ней – его любимая и "больная" тема – оленеводство. С любовью им описаны сцены тундровой жизни оленеводов и история рождения танца. Этот танец исполнял, как отец пишет, артист "Ангта" Павел Чече, затем очень талантливо и зрелищно – артисты этого же ансамбля Хан Юрий и Петровец Дмитрий. Когда я смотрю этот танец на сцене, я всегда вспоминаю это стихотворение отца.

"ТАНЕЦ ПОППЕНА"

(Из дневников
1970 года).

- Бег важеньки – это танец?

- А разве нет! – Александр Дмитриевич Давыдов, директор Пенжинского совхоза, показывает на молодую важеньку. – Вы только посмотрите, сколько в этом беге грации, гордости, как становятся

копыта. Много раз я наблюдал за бегом оленей, но всегда, когда бежит важенка, невольно опускал чаат, которым хотел её заарканить, и долго-долго любовался её бегом. А потом в кругу пастухов я видел этот бег, переложенный на язык танца, и снова любовался им: ва-жен-ка! Слово-то какое красивое!

...И сейчас, в момент весенней отбивки оленей, он искренне любит бегом важенки, глаза его радостно искрятся и от солнца яркого, весеннего, и от той «толковой», как он любил ценить работу оленеводов этим словом, суеты.

...Отбивка окончена. Можно и отдохнуть. Пастухи слетались на наш концерт, как на самый большой праздник, надевали самые лучшие кухлянки, запрягали в аргизы самых быстрых оленей. Всего каких-нибудь полчаса понадобилось для того, чтобы свезти в пятую бригаду Александра Амрельковича Кутувье пастухов шестой и первой бригад. Это был настоящий праздник. Он длился не более суток, а оставил впечатления на всю жизнь.

Большая каркасная палатка из меха разбита на две половины. Меньшая служит кухней, большая — комнатой. Палатка похожа на домик. По традиции, закалывают копытами двух оленей. Хозяйки пекут хлеб и жарят хворост. Ведь у них гости, много гостей. Как в сказке: пастухи летят на концерт на вертолёте.

Все ждут знатного бригадира Алексея Аляевича Илькаема. Он где-то едет со своей мамушкой на оленях. Вот уже и Василий Эльгаевич Поппен приземлился, а Алякаема всё нет.

- Едут! Едут!

Мы выбегаем из палатки. Откинув головы назад, олени пролетают стрелой мимо и на всем бегу останавливаются как вкопанные. С нарты сначала прыгает бригадир в бело-пёстрой кухлянке и таких же конайтах (меховых штанах), затем

мамушка в праздничном керкере (женская верхняя одежда) и нарядных, расшитых бисером, торбасах.

Знакомимся, приглашаем на концерт. Агитбригадовцы исполняют свои номера с воодушевлением. Теперь нами овладевает нетерпение, когда же выйдет плясать Поппен, петь Илькаема, играть свои ритмы Кутувье. Соревнование трёх бригад — зрелище, которого ждут целый год пастухи Пенжинской тундры.

И вот праздник начался! По кругу пошла праздничная кухлянка. Кто же первый наденет её? Однако Поппен! Бубен в его крепких, натруженных руках.

Ритмы! Сначала они едва уловимы, как будто где-то далеко слышен топот копыт. Вот он нарастает всё сильнее и сильнее. Это стадо оленей. Из общего шума выделяется топот одного оленя. Поппен не подражаем! Круг! Ещё круг! Ноги его едва касаются пола. Он присел на мгновение, потом снова плавный прыжок и опять мы видим бег, бег оленя! Бег Важенки!

Стихи у меня рождались сами:

*Вышел Поппен
Наряженный.
Ритмы бубна
Ясней.
Его танец —
Бег Важенки,
Песня — сказка о
ней,
Песня тундры
Заснеженной,
Песня вечных ко-
стров,
Песня гордая,
Нежная,
Всем понятна
Без слов.*

Поппен танцевал свой родовой танец и пел свою мелодию: «Ничего, хоть старик я стал, всё равно петь и плясать буду. Большой праздник у нас! Гости много. Пусть смотрят, как пляшет Поппен! Ой-ё!».

И в палатке все подпевали ему:

- Ой-ёё! Хоть-ча! Ой-ёё! Хоть-ча!

Не усидел бригадир Александр Амрелькович Кутувье. Кухлянка на

нём. Он часто и сильно бьет по бубну, словно настраивает его, потом — резкий удар, и он поёт: «Богата наша тундра! Много оленей! Красива наша тундра! У нас праздник! Большой праздник!».

Кухлянка идёт по кругу, и каждый, кто её одевает, по-своему поёт о тундре, о её красоте и богатстве.

Незаметно прошла пленительная, бессонная ночь. А ранним утром, когда весеннее солнце рассыпало блестящие бусинки по настистому снегу, хозяева тундры устроили нам оленьи бега.

Бег оленей соединяет в себе страсть корриды и красоту скачек. Что есть оленьи бега, когда нервы каждого напряжены, когда шутке отводится место громоотвода от разразившегося болельщика? Если сказать — фейерверк, то недостаточно красок, если сравнить с северным сиянием, то холодно, а если уподобить ветру, то не будет ли это насмешкой? Но если соединить фейерверк с северным сиянием и добавить к ним ветер, то наверняка вы получите приблизительное понятие об оленьих бегах.

Но кто бы мог думать, что, глядя на оленьи бега, мы вспомним слова из песни старой корячки, бабушки Эльи:

- У внуков моих будут красивые, как звезды, глаза, они никогда не будут плакать от дыма.

* * *

Как давно были написаны эти строки, но запах тундрового костерка, топот оленных копыт, рокот бубна и мелодии земляков нет-нет да юрким горностайчиком поскребут в моей душе, и защемит сердце. Чем утешить эту тоску? Ведь чего греха таить, сердце-то и бьётся благодаря воспоминаниям.

Однажды на каком-то поэтическом вечере я читал цикл стихов о тундре, её людях и, конечно же, тогда были прочитаны строки о Поппене Василии Аляевиче.

И снова Тумми:

- Знаешь, Коянто, мне

близка та тундра, о которой ты рассказываешь. Я жил и живу в ней, и во мне живут Поппены и Кутувье, Амрелькоты и их мамушки... Обещаю тебе, что поставлю танец Поппена!

* * *

Мне — 70! Волнительный юбилейный вечер. Ведущая:

- Танец Поппена! Постановка заслуженного артиста России Иосифа Жукова.

Рокот бубна, и на сцену стремительно несется Павел Чече, артист из ансамбля «Ангт», красивый, стройный, мэньговской закваски паренёк. Я слышу, как гудит тундра: бьёт копытами оленей о хрустящий, настистый, весенний снег, ветром свистит в ушах чаат. Под радостные, ликующие звуки бубна в весёлой шаловливой улыбке молодого танцора я хочу видеть того Поппена, которого встретил в далёком 70-м. Но время неумолимо, оно несётся, как быстрого олень, за ним не угнаться. Это миг, только миг. Незабываемая минута!

Давно ушел к «верхним людям» Василий Эльгаевич, но танец его имени — это оживший огонь души Поппена, ярко вспыхнувший в молодом танцоре и согревший нас всех, живущих на этой земле. Мы словно никогда не разлучались, и он напоминал нам:

- Мы ушли! Но мы вернёмся в своих сыновьях, внуках, правнуках. Так будет всегда!

Танец нёс нас к новой неизвестности, у которой есть свое имя — ЖИЗНЬ!"

* * *

Дорогой Коянто! Дорогой отец! Твои слова, сказанные устами героев, всегда будут своеобразным девизом для всей нашей большой семьи. Для нас ты всегда будешь возвращаться в своих внуках и правнуках, так похожих на тебя. И знай: сейчас мы, а потом они — будем хранить память о тебе — ВСЕГДА! С днём рождения, отец!

Е. КОСЫГИНА.

Фото из семейного архива.